

межкультурной коммуникации. Межкультурная коммуникация выступает как один из элементов формирования и трансляции культурных ценностей и является необходимым условием взаимодействия носителей различных культур.

Литература

1. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация. – М. Альфа –М; ИНФРА –М., 2009.

Амбарова П. А.,
г. Екатеринбург

ЕСТЬ ЛИ ВРЕМЯ ДЛЯ ВЕЧНОСТИ У СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА?

В книге «Вечность» Л. Н. Коган с опасением говорил об убыстрении темпов социальной жизни, ускорении и без того быстротечной жизни человека. Он ностальгировал по временам, когда люди могли себе позволить «созерцание», в часы которого «происходит то накопление впечатлений и наблюдений, совершается та незаметная для нас самих работа мысли, без которой невозможно творчество» [1, с. 139]. По его мнению, ситуация, когда «нет времени у человека для Вечности» (Н. Н. Бердяев), неминуемо ведет к дегуманизации личности.

Это высказывание Л. Н. Когана перекликается с тем, что будут констатировать в начале XXI в. российские и зарубежные социологи. Так, С. А. Кравченко, описывая сложность современного социума, отмечает, что «человечество подошло к порогу собственно человеческих возможностей рефлексии быстротечных событий, чтобы принимать по ним адекватные, рациональные, а главное – решения с гуманными целями» [2, с. 106]. В. Л. Бенин и Е. Д. Жукова, описывая хаотичность, спонтанность социализации личности в современных условиях «мозаичной культуры»,

полагают, что она разрушила традиционные гуманитарные формы социализации и инкультурации [3, с. 7].

Кардинальное изменение свойств социального времени на рубеже XX–XXI вв. представляло собой серьезный вызов общественным наукам. В прошлом остались концепции линейного, прогрессистского развития общества и культуры, мало кто спорит с ограниченностью использования физикалистских и позитивистских теорий времени. Российская наука также пережила всплеск интереса к циклическим концепциям времени. И все же этого оказалось недостаточно для объяснения того, что происходит со временем в современном обществе.

Наиболее продуктивным в этом плане оказался постмодернизм, различные концепции которого, не претендуя на целостность и всеохватность, тем не менее, очень точно отразили суть происходящих изменений социального времени. Практически все философы и социологи постмодерна так или иначе затронули проблему времени, но из всего многообразия концепций мы остановимся на двух, которые, на наш взгляд, наиболее полно дают ответ на вопрос, поставленный в заголовке настоящей статьи, – теории структуризации Э. Гидденса и концепции «текущей современности» З. Баумана.

Э. Гидденс в теории структуризации обращается к системе временных категорий как наиболее важным. Исследователь полагает, что устройство общественных институтов можно понять, если рассматривать, как социальные деятельности растянуты во времени и пространстве. При этом он полагает значимыми междисциплинарные связи социологии и истории, которые позволяют более глубоко проникнуть в изучаемый предмет. В само определение социального института он вводит время как одно из свойств института: «Практики, обладающие наибольшей пространственно-временной протяженностью в рамках тех или иных общностей, рассматриваются нами как социальные институты» [4, с. 60].

Гидденс выделяет два уровня времени: время институциональное, характеризующее взаимодействия макроуровня, и встроенное в него микровремя, время «потока повседневности», в котором осуществляется взаимодействие «лицом к лицу» [4, с. 20–22]. Категориальный аппарат теории структуризации включает в себя понятия эпизода и мирового времени, описывающих макровремя. Вся совокупность социальной жизни, пишет Э. Гидденс, может быть представлена в виде последовательных эпизодов, среди которых особо выделяются крупномасштабные процессы изменений (институциональные преобразования). Сопоставление этих эпизодов описывается мировым временем: «... "мировое время" описывает меняющиеся исторические состояния, способные воздействовать на условия и последствия сходных на вид эпизодов и влияние того, что субъекты знают об этих условиях и последствиях» [4, с. 27].

Темпоральность социальной жизни, по Гидденсу, имеет три измерения. Первое – протяженность повседневного опыта, которую Э. Гидденс называет «обратимым временем». Повседневные практики «формируются в терминах пересечения преходящих (но непрерывно возвращающихся) дней и времен года ... Повседневная жизнь обладает протяженностью, течением (или потоком), однако никуда не ведет; само прилагательное "повседневный" и его синонимы указывают на то, что время конституируется многократной повторяемостью» [4, с. 82].

Второе измерение темпоральности – «необратимое время» индивидуальной жизни. «В данном случае время представляет собой продолжительность существования тела, границу или рубеж присутствия, отличные от "испарения" времени-пространства, свойственного протяженности повседневной деятельности. Наши жизни "прекращаются" в необратимом времени, уходят со смертью организма» [4, с. 82].

Третье измерение темпоральности социальной жизни – «наиндивидуальная» длительная протяженность институционального времени, которая обеспечивает преемственность поколений [4, с. 83].

В теории структуризации Э. Гидденс обращается к вопросу о ритме социального времени и описывает его двумя понятиями – *рекурсивность* и *сериальность*. Рекурсивный, или возвратный, характер социальной жизни служит основой воспроизводства общественных институтов. Рекурсивность как определенный ритм социального времени создает каркас социальной жизни и, соответственно, условия устойчивости, стабильности, фиксированности повседневной жизни. Рекурсивность позволяет снимать «подсознательную напряженность» – источник социальной неустойчивости [4, с. 19].

Если рекурсивность характеризует институциональное время, то повседневные взаимодействия, по Гидденсу, могут быть описаны с помощью понятия сериальности. Взаимодействия представляют собой «непрерывный поток деятельности, нарушаемый исключительно (но регулярно) относительным бездействием во время сна» [4, с. 128]. В эмпирической действительности сериальность проявляется как очередность взаимодействия (например, в диалоге разговаривающие высказываются по очереди, дожидаясь окончания высказывания партнера). Гидденс отмечает, что временной ритм взаимодействия может быть неровным, поскольку взаимодействие несимметрично, отдельные его эпизоды могут прерываться паузами, имеют ускоренный или замедленный темп. Ритм социального времени образуется благодаря *зонированию* социальных практик, т. е. их позиционированию в определенных «регионах» пространственно-временной траектории [4, с. 141–142].

В концепции зонирования, разработанной Гидденсом под влиянием временной географии Хагерстранда, человеческая деятельность, повседневная жизнь осуществляются в определенных временных и

пространственных пределах («регионах» или «зонах»). Временные пределы связаны, во-первых, с конечностью человеческой жизни, что делает время для человека дефицитным ресурсом; во-вторых, ограниченной возможностью выполнения одновременно нескольких видов деятельности (отсюда возникает явление очередности); в-третьих, с тем, что каждый вид деятельности имеет определенную продолжительность и осуществляется в определенное время суток или года. Так, человек естественным образом ограничен во времени необходимостью исполнять непреложные дела: «...например, потребность в еде и сне, регулярно испытываемая людьми, устанавливает определенные рамки пространственно-временного зонирования повседневной деятельности» [4, с. 179]. В то же время социолог утверждает, что ограничения одновременно являются и возможностями, которые санкционируют деятельность.

Повседневные перемещения человека между различными «зонами» могут быть рассмотрены как пространственно-временное передвижение, имеющее определенный ритм («пульсацию»), который задается структурой времени – делением его на дневное и ночное, увеличением дневного времени благодаря изобретению искусственного освещения, продолжительностью тех видов деятельности, которыми занят человек. Кроме того, Гидденс говорит о возвратном характере движения между зонами, что означает повторяемость повседневных пространственно-временных передвижений человека.

Анализ темпоральности как важного структурального свойства помогает понять регулятивное значение времени в обществе. Гидденс полагает, что в институтах социального контроля «время превратилось в измеримое приложение административной власти» [4, с. 206], будь то расписание уроков в школе, распорядок монастырской и армейской жизни, регламент трудовой деятельности на предприятии или пребывания в психиатрической больнице, тюрьме. С каждым периодом времени связана определенная система контрольных действий и санкций (экзамены, проверки, получение документа). Сериальность, т. е. повторяемость, связана с четкой

хронометрической последовательностью действий тех, кем управляют, и тех, кто управляет.

Вслед за М. Фуко [5] английский социолог утверждает, что дисциплина поддерживается посредством манипуляций с временем и пространством. Строго регламентируя местопребывание человека или группы в жестко установленное время, представители власти снижают риск изменений и неопределенности: «Дисциплина зиждется на строгом количественном учете и распределении пространства и времени» [4, с. 221].

В «тотальных институтах» последовательность событий предопределена на среднюю и долгосрочную перспективу. Если лишение человека его собственного времени в условиях свободы повседневной жизни компенсируется денежным вознаграждением, повышением в должности, отпуском и т. д., то в условиях несвободы такая компенсация невозможна, что, как правило, ведет к деградации личности, разрушению ее идентичности, потере смысла жизни. Таким образом, из положений, высказанных Э. Гидденсом в теории структуриации, мы можем сделать очень важный вывод, касающийся способности человека распоряжаться временем. Время, которым человек может располагать по собственному усмотрению (даже если это не свободное время, а время, которое он продает работодателю), становится основой для формирования его идентичности, способом самореализации и самоопределения. Лишение человека такой возможности приводит к психическим и социальным деформациям.

Гидденс приводит в качестве аргумента воспоминания заключенного фашистского концлагеря Бруно Беттельхейма, который в своем дневнике подробно описывал науку выживания в нечеловеческих условиях концлагеря [6]. Его воспоминания, действительно, показывают результаты пытки «лишения временем» как способа убить в человеке все человеческое. Б. Беттельхейм упоминает три метода уничтожения всякой автономии человека, в том числе – разрушение способности человека к самополаганию, предвидению и его готовности к будущему. «Бессмысленные задания, почти

полное отсутствие личного времени, невозможность что-либо планировать из-за постоянных и непредсказуемых перемен в лагерных порядках – все это действовало глубоко разлагающе», – писал Б. Беттельхейм [6]. Даже на удовлетворение очень личных, интимных потребностей у заключенных не было времени: все делалось по команде в строго отведенное время, публично.

Конечно, Бруно Беттельхейм описывает крайний случай негативного использования метода манипуляции временем, но и в современном свободном обществе человек не может в полной мере распоряжаться своим временем. Более того, современная культура заставляет нарушать описанные Гидденсом принципы зонирования времени-пространства: работа переносится в дом, обед соединяется в пространстве и во времени с работой в заведении fast-food, время досуга используется одновременно для отдыха и завязывания деловых связей. Многие временные зоны теряют свои границы, смешиваются и сливаются в эпоху «текучей современности», описанной в работах другого современного социолога, – З. Баумана.

Так же, как и у Э. Гидденса, понятие времени стало ключевым в концепции З. Баумана. Используя для описания общества постмодерна метафору «жидкое состояние», известный английский исследователь сразу задает перспективу и категориальные рамки анализа современности. Время и пространство «текучего общества», по З. Бауману, не только приобретают особые свойства, в отличие от времени и пространства «твердого общества», они еще вступают в новые отношения между собой. «Жидкости, – пишет З. Бауман, – так сказать, не фиксируют пространство и не связывают время. Тогда как твердые тела имеют отчетливые пространственные параметры, но нейтрализуют воздействие и, таким образом, снижают значение времени (эффективно сопротивляются его ходу или делают его нерелевантным), жидкости не сохраняют форму в течение долгого времени и постоянно готовы (и склонны) изменять ее; поэтому течение времени для них важнее, чем пространство, которое они занимают: в конце концов, они заполняют это

пространство лишь «на мгновение». В каком-то смысле твердые тела отменяют время; для жидкостей, напротив, имеет значение прежде всего время. При описании твердых тел можно вообще игнорировать время; при описании жидкостей было бы печальной ошибкой не учитывать время» [7, с. 8].

В этой пространной цитате из книги З. Баумана указаны следующие ключевые позиции в понимании времени, характерном для современного общества. Первый тезис гласит о том, что время благодаря техническому прогрессу «оторвалось» от пространства и стало активным, независимо действующим фактором. Оно перестало быть особенностью пространства, но превратилось в атрибут передвижения: «Время теперь отличалось от пространства, потому что его можно было изменять и им можно было управлять, чего нельзя сделать с пространством, время превратилось в фактор разрушения, заняв позицию активного партнера в браке между пространством и временем» [7, с. 121–122]. Выражаясь словами самого Баумана, инертное, «твердое» пространство не смогло противостоять «жизнерадостному движению времени».

Лейтмотивом в работе З. Баумана звучит идея взаимосвязи власти и времени. Время становится способом покорения пространства – физического и социального. Речь идет не просто о чрезвычайно быстром физическом перемещении людей, предметов и идей, но и о способности использовать свое и чужое время как инструмент управления социальным миром. Главными инструментами и ресурсами власти становятся время и скорость: «Люди, что двигаются и действуют быстрее и в большей степени приближаются к мгновенности движения, теперь являются теми, кто управляет. Люди же, которыми управляют, не могут двигаться так же быстро ... Доминирование состоит в способности ускользать, отдаляться, "быть где-то в другом месте" и праве выбирать скорость собственного перемещения, одновременно лишая людей, над которыми доминируют способности останавливать, ограничивать свои передвижения или замедлять их.

Современное сражение за доминирование ведется между войсками, вооруженными соответственно оружием ускорения и промедления» [7, с. 130–131].

Нельзя не согласиться с мнением З. Баумана о том, что эта идея в полной мере воплотилась в современном менеджменте. Скорость осуществления и изменения деятельности руководителей становится фактором их доминирования над подчиненными. Время подчиненных, напротив, принадлежит менеджерам, которые профессионально обучены его упорядочивать. Не случайно З. Бауман называет современных управленцев «новыми кочевниками»: принцип «нападай и убегай» становится принципом экономической и управленческой деятельности. Речь, собственно, идет не только о времени как инструменте власти, но и о появлении новых критериев социальной стратификации, а именно – доступе к мгновенности и доступе к непредсказуемости, а значит – к свободе.

Второй тезис З. Баумана, касающийся свойств социального времени «текучей современности», гласит, что для времени сегодня характерна не длительность и протяженность, а мгновенность. Время может сжиматься до (или почти до) мгновения, и теперь изобразить движение времени, которое представлено не «стрелой» или «кругом», а «отдельными точками без измерения», практически невозможно. Впрочем, Бауман признает, что «мгновенное время» все же не равно нулю, так как современная техника еще не может позволить это сделать.

Время «текучего общества», обладая указанными характеристиками, задает особые параметры существования человека. Мгновенное время способствует фрагментации действительности, а вызванная этим потеря целостности для человека чревата нарушением его функционирования – физического, психического и социального, появлением смятения и страха. «Что было разрезано на части, то не может быть снова склеено вместе. Оставь надежду на цельность, как будущую, так и прошлую, всякий, входящий в мир текучей современности» [7, с. 29].

Современность – это не просто мир скоростей, виртуальных и реальных, это мир с особой предметной средой – «мир одноразовых вещей». В таком мире идентичность человека по определению нестабильна. Вещи, которыми пользуются длительное время, прочные, долговечные в «твердом» обществе, символизируют понятие вечности. «Долговечным объектам, – пишет З. Бауман, – приписывается особая ценность, о них заботятся и их желают благодаря их связи с бессмертием – этой высшей ценности «естественно» желаемой и не требующей никаких доказательств или обоснований» [7, с. 136]. В «твердом» обществе обладание такими вещами было признаком высокого статуса. В «текучей современности», напротив, происходит обесценивание бессмертия и утверждается ценность быстрой смены материальной среды. «Именно присущая стилю Билла Гейтса способность сокращать временной промежуток долговечности, забывать о «продолжительных сроках», сосредоточиваться на манипуляциях с быстротечностью, а не долговечностью, легко избавляться от вещей, чтобы очистить место для других вещей, столь же временных и предназначенных для немедленного использования, в настоящее время является привилегией людей, находящихся на вершине, а именно эта способность делает их таковыми людьми» [7, с. 137].

В мире «одноразовых вещей» мгновенными и одноразовыми становятся и многие виды социальных отношений. Символичны в этом плане описанные З. Бауманом встречи горожан – случайные, мимолетные, без продолжения. «Встреча незнакомцев заканчивается так же внезапно, как началась», это событие без прошлого и будущего, «одноразовая возможность, которая должна быть полностью реализована здесь и сейчас» [7, с. 140].

Анализируя темпоральность человека в текучей современности, ученый считает, что обязательное требование текучей современности к человеку и обществу – непрестанное движение и изменение самого себя: «Быть современным означает постоянно опережать самого себя ... иметь

индивидуальность, которая может существовать лишь как нереализованный проект» [8, с. 36]. В этом случае человек теряет представление об определенном конце и цели своей деятельности, жизни. Это означает, во-первых, что целей может быть много и они постоянно меняются. А во-вторых, это значит отсутствие представлений о «хорошем» обществе (совершенном, справедливом, бесконфликтном), что делает людей пассивными. «... вопрос целей снова становится открытым и обречен быть причиной бесконечных мучений и источником значительных сомнений, подрывая уверенность в себе и порождая нервирующее чувство неослабной нерешительности и, следовательно, состояние постоянной тревоги» [7, с. 68].

Таким образом, З. Бауман предвещает революцию в культурной истории человечества в связи с обесцениванием таких априорных ценностей, как вечность и бессмертие. Он считает, что на протяжении всей человеческой истории главной функцией культуры было «отсеивание и осаждение твердых частиц вечности из кратковременных человеческих жизней и мимолетных человеческих действий». Именно таким образом человечество преодолевало ограничения, связанные с человеческой смертностью.

Одно из последствий перехода к мгновенности, без памяти о прошлом и без веры в будущее З. Бауман отчетливо видит в разрушении коллективного, совместного действия. Когда люди «не видят завтра», то им достаточно того, что они сами сделали сегодня в одиночку. Пусть масштаб этого действия невелик, но оно реально для современного человека. Еще одно следствие – это разрушение общественной морали, основанной на ответственности за будущие последствия действий, совершенных сегодня.

Литература

1. Коган Л. Н. Вечность. Преходящее и непреходящее в жизни человека. Екатеринбург: УрГУ, 1994. 208 с.
2. Кравченко С. А. Социологическая диагностика сложного социума // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие:

- матер. IV очередного Всерос. социол. конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. [Электронный ресурс]. М.: РОС, 2012. С. 100–112.
3. Бенин В. Л., Жукова Е. Д. Феномен мозаичности как результат дифференциации современного знания // Понятийный аппарат педагогики и образования. Вып. 5. М.: Владос, 2007. С. 164–175. [Электронный ресурс]. URL: culturalnet.ru/main/getfile/1854 (дата обращения 03.02.2013)
  4. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2005. 528 с.
  5. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: AdMarginem, 1999. 480 с.
  6. Беттельхейм Б. Просвещенное сердце. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.klex2.ru/69r> (дата общения. 10.02.2013)
  7. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

Антипина Ю.В.,
г. Уфа

ФАНАТСКИЕ СУБКУЛЬТУРЫ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С МЕДИА

Исследование субкультур, в том числе молодежных – актуальное направление гуманитарных наук. Сегодня крупной частью фанатской субкультуры является литературное творчество фанатов, фанфикшн. Прослеживается устойчивая традиция на фанатских страницах в интернете выделять отдельную рубрику для размещения специфических текстов – фанфиков. Ксения Прасолова классифицирует фанфикшн как «литературное творчество поклонников произведений популярной культуры, создаваемое на основе этих произведений в рамках интерпретативных сообществ (фандомов)» [1].

Подобные опыты в фанатской среде возникали еще в XIX веке. Например, в «Приложении» к сборнику «Пушкин плюс. Незаконченные